

ВСТРЕЧА С НЕКРАСОВЫМ

Ко времени моего экзамена для поступления в Институт путей сообщения относится также первая моя встреча с Некрасовым¹. К экзамену надо было представить какой-нибудь рисунок для соблюдения лишь одной формальности. В искусстве рисования я не был силен и потому обратился к одному знакомому, некоему Даненбергу, которого я знал уже три года в то время, когда он был студентом в Казани. Это был человек поистине с артистической натурой: он играл отлично на скрипке, на кларнете, на гитаре, пел и превосходно рисовал. <...>

В то время, к которому относится настоящий мой рассказ, Даненберг был в Петербурге и готовился держать экзамен в Академии художеств на права архитектора.

Когда мне понадобился рисунок к моему экзамену, я и отправился к Даненбергу. Перед этим, за недостатком времени, я не был у него несколько месяцев. Он жил на Васильевском острове в четвертой линии, занимал одну комнату во втором этаже, окнами на улицу. Тотчас по моем приходе Даненберг взял большой лист рябой бумаги и начал рисовать голову толстейшим, мягким карандашом. В комнате стояли ширмы, и я слышал, что за ширмами есть живое существо.

Менее чем в час рисунок подходил уже к концу, и я непрерывно просил, чтобы Даненберг делал его похуже, дабы могло быть вероятие, что я сам исполнил рисунок; но, несмотря на это, он вышел замечательно хорош, так что когда я подал его потом профессору рисования, то он расхохотался и сказал: "Этот рисунок сделан не вами, а каким-нибудь художником". Я, конечно, смолчал, но формальность представления рисунка была исполнена.

Во время рисования Даненберга вышел из-за ширмы человек в татарском засаленном халате, волоча ноги и хлопая туфлями, подошел медленно к окошку и, уткнув палец в притолку окна, сказал: "Три часа, пора поесть".

Когда этот незнакомец скрылся опять за ширмами, я тихонько спросил Даненберга о том, что значило указание пальцем на притолку окна? Даненберг засмеялся и сказал: "Это наши часы; на притолке отмечены чертами тени от переплета окна для солнечных часов".

Не окончив еще рисунка, Даненберг вышел в сени, и вслед затем принесены были щи; они оказались очень хороши, и мы с аппетитом поели их втроем. "Извините, - сказал Даненберг, - у нас второго блюда нет".

Поевши щей, незнакомец сказал Даненбергу, что ему надо сходить со двора. Даненберг тотчас же ушел за ширму, и я заметил, что он вышел оттуда в туфлях. Затем вышел незнакомец, уже одетый, и спросил Даненберга: "Что, сегодня свежо?" - "Да, свежо", - ответил Даненберг. "Так я надену плащик", - сказал незнакомец. "Пожалуйста", - ответил Даненберг.

На все это я обратил внимание, и когда, по уходе незнакомца, мы остались вдвоем с Даненбергом, то на мои вопросы он рассказал мне, что несколько месяцев тому назад он, случайно, познакомился с этим молодым человеком по фамилии Некрасов, находившимся в крайнем положении, и пригласил его к себе.

По поводу означенной моей встречи у Даненберга с Некрасовым, совершенно безызвестным тогда молодым человеком, я забегу вперед и расскажу другой эпизод, послуживший сближению моему с Некрасовым и случившийся 7 1/2 лет спустя. Ни фамилии, ни наружности встреченного мною один раз у Даненберга незнакомца я, конечно, в памяти не удержал, так что когда в 1840 году я стал встречать Некрасова у Ив. Ив. Панаева, еще до основания "Современника", то мне и в голову не приходило, что Некрасов есть тот самый молодой человек, которого я видел у Даненберга только раз, потому что последний после того скоро покинул Петербург навсегда.

В конце 1847 года Некрасов жил уже вместе с Иваном Ивановичем Панаевым, и они начали в этом году издавать "Современник". Я жил тогда в трехстах верстах от Петербурга на Николаевской железной дороге, находившейся еще в постройке. К зиме я приехал в Петербург и по приезде в тот же день отправился к Ивану Ивановичу, и в тот же вечер собралась там компания ехать ужинать в ресторан Дюссо и затем кататься на тройках.

Надо сказать, что до половины сороковых годов дамы из общества никогда, в Петербурге, не ездили в рестораны, но около этого времени был дан толчок из самых высших сфер общества и посещение ресторанов вошло в моду. <...>

В собравшейся нашей компании приняли участие 4 дамы и 7 мужчин: жена Ивана Ивановича (ныне Головачева), жена поэта Огарева, жена профессора Кронеберга с сестрой Ковалевской, Некрасов, живописец Воробьев с братом, я с двумя братьями и седьмого не помню. <...>

Когда названная компания поужинала, то все попросили Некрасова рассказать про свое жите-бытье по приезде его юношей из Ярославля в Петербург и о претерпленных им бедствиях.

Рассказывая вкратце эту свою историю, Некрасов, между прочим, передал нам следующий эпизод:

- Когда, - говорил он, - я истратил все деньги и профессор, у которого я жил и готовился в университет, пригласил меня удалиться от него², я попал в критическое положение и стал пописывать забавные стишки для гостинодворцев. Некоторое время я кое-как перебивался, но наконец пришлось продать все скудное мое имущество, даже кровать, тюфяк и шинель, и остались у меня только две вещи: коврик и кожаная подушка. Жил я тогда на Васильевском острове, в полуподвальной комнате, с окном на улицу. Писал я, лежа на полу; проходящие по тротуару часто останавливались перед окном и глядели на меня. Это меня сердило, и я стал притворять внутренние ставни, так, однако, чтобы оставался свет для писания³. Однажды прошло уже три дня, как я питался одним черным хлебом. Хозяйка объявила мне, что потерпит еще два дня, а затем выгонит вон. Лежу я на полу, в *приятном* расположении духа после приговора хозяйки и пописываю. Вдруг появляется на пороге человек, большого роста, очень видный, в светло-сером плаще, и спросил меня: "Здесь ли живет господин N?" Я ответил ему раздраженным тоном, что никакого N тут нет, отвернулся и продолжал писать. Вижу, однако, что господин в плаще не уходит. Подождав немного, я ему сказал:

- Что вам нужно? Небось любуетесь на мою обстановку.

- Признаюсь, - ответил он,-- ваша обстановка озадачила меня; хотя я тоже не в завидном положении, но у меня есть в кармане двадцать рублей и довольно хорошая квартира; не пожелаете ли поселиться у меня? Пожалуйте хоть сейчас, я живу очень близко отсюда.

- Мне нужно заплатить хозяйке пять рублей, - сказал я.

- Вот вам пять рублей, заплатите и идемте со мною.

Я тотчас же расстался с хозяйкой, взял под мышку коврик и подушку, и мы отправились вместе с господином в плаще. Фамилия этого человека была Даненберг⁴; мы прожили с ним немалое время; выходили мы со двора поочередно, так как сапоги мои были негодны и у меня не было шинели, а у него был плащ. (Этот плащ, довольно оригинальный, я видел на Даненберге еще в Казани.)

Тогда я вспомнил нашу встречу с Некрасовым у Даненберга, вспомнили мы с ним и оригинальные солнечные часы, и вкусные щи, и после того много, много Некрасов рассказал еще доброго о Даненберге.

В тот же вечер, после ужина, по просьбе компании я прочел наизусть стихи Некрасова, от которых я был в восторге и которые не были напечатаны; их я списал у Ивана Ивановича

Панаева, Это стихотворение называлось "Родина" и появилось в печати лишь через девять лет под заглавием: "Старые хоромы", с посвящением их, в первом издании 1856 года, мне. Почему последующие издатели выкинули это посвящение⁵, этого я не знаю. Упомянутый вечер и был первым моим настоящим знакомством с Некрасовым, и с этого же вечера, после декламации мною его стихов, и установились у нас дружеские отношения, не прекращавшиеся до последнего дня его жизни.

Примечания

Валериан Александрович Панаев (1822--1899), двоюродный брат И. И. Панаева - инженер путей сообщения.

Публикуемая глава является частью обширных "Воспоминаний" В. А. Панаева, которые печатались в "Русской старине" (1893--1906). Помимо главы, включенной в настоящий сборник, Некрасову посвящен раздел в XXIII главе, в которой автор вспоминает эпоху 40-х годов и, рассказывая о встречах с Некрасовым, стремится защитить его от всевозможных грязных инсинуаций, раздававшихся после смерти поэта в его адрес. "То, что он писал, было у него прочувствовано, и искренность этого прочувствованного слишком выразительно выливалась в его, зачастую вдохновенном, слове" (РС, 1901, No 9, стр. 499). "Некрасов, - по словам Панаева, - это громадный самородок, как и Кольцов. Оба они самые характерные выразители абсолютно русской народной поэзии, совершенно самостоятельные и друг па друга не похожие. Некрасов писал много стихотворений и не народного характера и достигал иногда такой силы и такой звучности, какой не достигал никто". Примером такого стихотворения Панаев называл "Родину" (там же, стр. 499--500).

По всей вероятности, рассказы В. А. Панаева о строительстве Николаевской железной дороги, в котором он принимал участие, послужили одним из источников стихотворения Некрасова "Железная дорога".

Панаев, придерживавшийся либеральных взглядов,¹о его собственному признанию, пытался склонить руководителей "Современника" поддержать либеральную политику только что взошедшего на престол Александра II. "В это время, - вспоминал он, - я, можно сказать, прожужжал уши Некрасову и Ивану Ивановичу, взывая их открыто выставить свое политическое, социальное и экономическое знамя, чтобы журнал явился энергичным помощником правительству, просветителем взглядов общества в означенных вопросах. <...> Увещания мои остались тщетными. Редакторы выражали... сомнение в искренности правительства..." (там же, стр. 505).

На похоронах Некрасова В. А. Панаев произнес речь, в которой отмечалась благотворная роль Белинского в развитии таланта Некрасова и подчеркивалась высота нравственных идеалов поэта. В. А. Панаев "торжественно удостоверил, что Некрасов и как человек был на высоте своего поэтического дарования" (СПб. вед., 1877, No 360).

Печатается с сокращениями по журналу "Русская старина", 1893, No 9, стр. 497--502.

¹ Стр. 40. В. А. Панаев сдавал экзамены в Петербургский институт путей сообщения в апреле - начале мая 1840 г.

² Стр. 42. Некрасов жил у преподавателя Петербургской духовной семинарии Д. И. Успенского на Охте с конца 1838 г.

³ Стр. 43. Рассказ Некрасова об этой поре жизни воспроизвел Н. Успенский: "Жил я тогда на Васильевском острове, в самом нижнем этаже, так что окна моей комнаты приходились как раз я уровень с панелью, по которой бродил народ, постоянно заглядывая в мою конуру, лишенную всякой мебели. По целым дням я лежал в старой своей шинели на полу. Толпы любопытных не отходили от моих окон. Выведенный из терпения непрошеными зрителями, я наконец вышел на улицу и затворил ставни; но тут случилась следующая история: проходивший по панели хозяин дома увидал закрытые ставни и пришел в неописанную ярость.

Он позвал дворника и принялся ругать его на чем свет стоит, как он смел допустить такой беспорядок. Дворник объяснил, что "жилец Некрасов затворил ставни от народу".

- Этак подумают, что здесь отдается квартира, - сказал хозяин и приказал тотчас же отворить ставни" ("Воспоминания о Н. А. Некрасове", "Иллюстрированная газета", 1878, No 6, 5 февраля).

⁴ Стр. 43. Н. В. Успенский передавал этот же эпизод знакомства Некрасова с Даненбергом в другой версии, с ссылкой на рассказ Некрасова: "Как-то раз Некрасов, занявший для себя жалкую, убогую комнатку в подвальном этаже, увидал, что и эта, почти конура, дорога для него, - и вот он решился приискать себе сожителя, сотоварища по комнате, почему на окне своей комнаты он и наклеил лаконическую надпись: "Отдается квартира..."

Однажды, когда Некрасов был дома - ему тяжело нездоровилось - и он лежал на полу своей, почти лишенной мебели, комнаты, отворилась дверь, и в нее вошел высокий, худой, бедно одетый господин и обратился с вопросом к Николаю Алексеевичу:

- Позвольте узнать: здесь сдается квартира?

- Здесь, - было ответом. - А какая цена? - Такая-то. - Хорошо, я согласен и нанимаю квартиру. - Когда же вы думаете переехать?

- Да я уже переехал... - засмеялся вошедший, бросая в угол небольшой узелок с платьем и сбрасывая шинель - составлявшие все его имущество. Вновь явившийся был К. А. Даненберг, занимавшийся в Академии художеств" (Н. В. Успенский, Из прошлого, М. 1889, стр. 227--228).

⁵ Стр. 44. Начиная с издания "Стихотворения Н. Некрасова", СПб. 1861, и в последующих изданиях это стихотворение перепечатывалось под названием "Родина" без посвящения В. А. Панаеву. Некрасов изменил заглавие "Родина" на "Старые хоромы" в изд. 1856 г. по цензурным условиям.